

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-10-2-44>

УДК 82-1

РАЗОБЛАЧИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА В ЗЕРКАЛЕ «СТИХОГРАММ» Д.А. ПРИГОВА

Н. Албанезе (Рим, Италия)

Аннотация

Роль слова в культуре тоталитарных режимов является ключевой. Именно слово становится инструментом, прибегая к которому, государства могут управлять массами, создавать свою правду и свою реальность. То, что скрывается за этим, – всеобъемлющая пустота, становится основанием для искусства концептуализма, чей главный интерес составляет взаимоотношение предмета и языка.

Д.А. Пригов – один из наиболее ярких представителей концептуализма. Его *Стихограммы*, впервые опубликованные в 1985 году, возникают на стыке вербальности и визуальности и, совмещая слово и образ, в то же время разоблачают дискурс советской власти, классической литературы и мейнстрима.

Цель нашей статьи – показать на примере нескольких избранных стихограмм отношение Д.А. Пригова к развенчанию сложившихся мифов, которое ложится в основу проекта создания тотального искусства.

Ключевые слова: визуальная поэзия, Д.А. Пригов, концептуализм, пустота, тоталитарный дискурс.

Постановка проблемы. «Ни один язык не может овладеть человеком полностью», – говорил Дмитрий Александрович Пригов в одном из многочисленных интервью [Пригов, 1989, с. 18]. Слова самого автора, наверное, являются самой подходящей исходной точкой для того, чтобы постараться войти в мир художника, или *деятеля культуры* (как он говорил о своем призвании), который проявил себя в самых разных сферах искусства, создавая настоящий *Gesamtkunstwerk*, то есть тотальное произведение искусства, своего рода энциклопедию.

Именно на стыке вербальности и визуальности рождаются *Стихограммы* [Пригов, 1985], представляющие собой маленькую часть стихотворного творчества Пригова, состоящего в целом из 35 000 стихов. Большинство стихограмм было написано между 1970 и 1980-ми годами, и это очень важно, так как они тесно связаны с историческим контекстом, насыщены деталями позднесоветской эпохи, ее лозунгами, языком, ее бытием.

Цель статьи – показать на примере нескольких избранных стихограмм отношение Д.А. Пригова к развенчанию сложившихся мифов, которое ложится в основу проекта создания тотального искусства.

Результаты исследования. Советская эпоха служила плодородной почвой для искусства концептуализма, ключевым понятием которого является пустота,

то есть осознание того, что увидеть что-либо возможно исключительно в самом процессе утраты. Пустота и есть одна из основных характеристик языка тоталитаризма. Как заметил Е. Добренко и как свидетельствуют исследования о новоязе, проведенные М. Głowiński [см. Głowiński, 1992; 1996], «Сталин был производителем слов, магии, ритуала, которые вошли в плоть и кровь советской нации» [Добренко, 2014, с. 149]. Такое слово могло убивать или спасать, одновременно на него надеялись и его боялись, оно было ненадежным и в то же время представлялось единственной опорой в шатком мире [Ковтун, 2015, с. 68–82]. В *Стихограммах* Пригов демистифицирует в первую очередь такой дискурс и следом за этим дискурс классической литературы и мейнстрима.

Данный процесс целенаправленно ведет к освобождению человека от того, что Карл Андре в 1976 году определил как «лингвистический терроризм»: «[н]ами управляют – частный бизнес, правительство – посредством языка, посредством бюрократии, посредством адвокатов... Мы не понимаем, что они делают, потому что они даже говорят на каком-то ином языке, нежели мы... Мы окружены этим лингвистическим терроризмом и обучены воспринимать мир как послание, которое нам никогда не понять» [Andre, 2005, р. 86; перевод из Бутаковой, 2011, с. 145]. Операция, совершенная Приговым, состоит именно в разоблачении такого состояния дел, которое становится очевидным доказательством их действительной пустоты. Очевидность такой пустоты особенно выделяется в *Стихограммах* благодаря связи вербального и визуального элементов. Об амбивалентности такого рода произведений говорит сам автор в предисловии к первому изданию *Стихограмм*, которое вышло в 1985 году в двуязычном парижском издательстве «А – Я». Пригов так и начинается: «Предлагая вниманию читателя... нет, вернее, зрителя... нет, все же читателя...» [Пригов, 1985, с. 5]. Таким образом, на первый план не выходит ни сам текст, ни его форма, а именно их одновременное присутствие, та особенная динамика, которая рождается от их столкновения. Во всех названных стихотворениях строки текста совмещаются друг с другом, разбиваются между собой, становятся нечитаемыми, слова переходят в другие слова и создают абстрактные образы, благодаря которым осуществляется деконструкция языка изнутри.

Как уже было сказано, одним из самых главных компонентов *Стихограмм* является прототекст, выступающий в роли истока целого произведения и представляющий собой призму, через которую система конструкций и ценностей раскрывает всю свою условность.

Что же касается диалога, который Пригов ведет с лозунговой культурой позднесоветской эпохи и с признанными ею писателями, тут показательными, на наш взгляд, являются несколько стихограмм, на анализе которых хотелось бы остановиться подробнее.

В «Нас вырастил Сталин» Пригов цитирует и пародирует гимн СССР, написанный С. Михалковым и Г. Эль-Регистаном, в его первом варианте 1944 года. Здесь вторая строфа гласит:

*Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил.
Нас вырастил Сталин – на верность народу
На труд и на подвиги нас вдохновил.*

С 1955 до 1970 года гимн исполнялся без слов, но в связи с приходом Брежнев и изменившейся политической ситуацией третья строка была заменена более политкорректным выражением: «На правое дело он поднял народы». Конечно, сейчас субъект предложения – настоящий отец революции, Ленин. О Сталине больше ни слова, он просто как будто исчез. Используя именно такую строку в своей стихограмме, Пригов демистифицирует саму иллюзию советского слова: прошлое нельзя стереть, оно навсегда останется в подсознании каждого человека. Кроме этого, Пригов чуть изменяет цитату: на место первоначального «верность» он ставит слово «радость». В этом выборе можно заметить намек на другой известный сталинский лозунг 1935 года: «Жить стало лучше, жить стало веселее!». Пародия пародии, благодаря которой раскрывается пустота сталинского мифа.

В «Круге» основная цитата восходит к песне М. Исаковского – «Песни трудовых резервов» (1948) [Исаковский, 1961, с. 167]. Она тоже не совсем такая, как в оригинале: в то время как там предложение продолжается словами «мы с честью дело сделаем свое», у Пригова далее следует, по всей видимости (по всей видимости, потому что слова плохо читаются, они наложены друг на друга), «мы с честью слово выполним». Столкновение между советским словом, ничего на самом деле не обозначающим, и творческим Словом, способным создавать и творить, подчеркивает, что только последнее может побеждать и дать надежду на бессмысленное будущее.

Образ Слова возвращается и в стихограмме «В начале было Слово», где цитаты расположены кольцами одна вокруг другой. Так, в самом центре в виде разделенного пополам круга находится библейская цитата «И светит свет во тьме» (Ин. 1:5), которую через пробел «опоясывает» цитата из того же Иоанна «В начале было слово и слово было у Бога и слово было Бог» (Ин. 1:1; надо обратить особенное внимание на то, что автор пишет «Бог» с прописной буквы). Та же самая цитата («И светит свет во тьме») вынесена за пределы внешнего радиуса (через кругообразный пробел, отделяющий ее от второго кольца) и заполняет собою все внешнее пространство листа. Она же оказывается вписанной в самый центр конструкции. Ее на самом деле тяжело расшифровать, но можно как-то догадаться, что там написано «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его. Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн. Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него. Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете. Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин. 1:5–9).

В стихограммах «Никогда, никогда коммунары не станут рабами», «Если враг не сдастся, – его уничтожают» и «Жизнь дается человеку один раз...» Пригов ведет разговор с писателями, близкими к советской власти. Первая цитата из поэмы

Братская ГЭС Е. Евтушенко [Евтушенко, 1978, с. 260–261], вторая из одноименной статьи М. Горького, опубликованных одновременно в газетах «Правда» и «Известия» (но здесь с чуть измененным названием «Если враг не сдается, – его истребляют») 15 ноября 1930 года [Горький, 1953, с. 226], и последняя – из романа Н. Островского *Как закалялась сталь* (1934) [Островский, 1955, с. 205]. В то время как цитата из Горького образуется в виде потока слов, где чередуются прописные и строчные буквы и добавляются целые ряды слова «нет!», остальные две стихограммы имеют более узнаваемые образы.

Предложение «Никогда, никогда коммунары не станут рабами» (в исходном тексте Евтушенко: «Никогда, никогда коммунары не будут рабами») после первых семи строк, после слова *никогда* разделяется на два столбика, к которым из строки в строку добавляется несколько раз гласная *a*. Таким образом, получается очень динамический образ, как будто ходящие или бегающие ноги; в этом случае цитата не поддерживает изменения и на первый план выходит не смысловая нагрузка, а визуальная организация текста.

Цитата из Островского, с другой стороны, представлена в форме женских бедер, может быть, потому, что ассоциируется с началом и истоком жизни. Более того, цитата здесь отличается от оригинала (где написано: «Самое дорогое у человека – это жизнь. Она дается ему один раз...» [см. Островский, 1955, с. 205] и не полностью, а резко прерывается: «Жизнь дается человеку один раз и надо прожить ее так, чтобы». Автор больше не может (да и не хочет) в контексте всепроникающей пустоты предлагать определенные ценности читателю или зрителю. Выбор и ответственность остаются за каждым.

Творческая операция, совершенная Приговым в *Стихограммах*, не ограничивается игрой со стилями позднесоветской эпохи, но упоминает и великих писателей прошлого. Пригов, сознавая свой собственный авторский миф, становится с великими авторами в один ряд и ведет с ними непрерывный разговор, ни в чем не уступая. Такой подход очевиден в стихограмме «Ин вино веритас», образованной в форме бокала, чей источник можно найти в стихотворении А. Блока «Незнакомка» (1906). Здесь латинское крылатое выражение *in vino veritas* упоминается один раз и в последней строке появляется в русском переводе: «Я знаю: истина в вине» [Блок, 1997, с. 123]. Именно благодаря тому, что разговор прямой и непрерывный, в стихограмме появляется ответ Блоку: «А в пиве что?», который графически определяет границы самого бокала вина.

Очень интересны и те две стихограммы, источником которых являются тексты Маяковского, которого Пригов считал великим автором прошлого, представителем первого периода социализма: «Тот кто поет не с нами – тот против нас, его уничтожают» и «И жизнь хороша, и жить хорошо...». Первая часть цитаты восходит к стихотворению *Господин «Народный артист»* (1927) [Маяковский, 1958, с. 122], а вторая («его уничтожают») отсылает читателя к уже упомянутой статье Горького. Обе эти части составляют единый текст, служащий своего рода фоном стихограммы (он как будто бы проступает на фоне наложенного на нее другого текста,

состоящего только из одной строки – «его уничтожают»). Именно этот второй текст, набранный заглавными буквами, сразу же «бросается в глаза» читателю / зрителю и доминирует на фоне цитаты из Маяковского, буквально перечеркивая ее тремя широкими полосами по диагонали и придавая дополнительную динамику образу. Во второй стихограмме – цитата из поэмы 1927 года *Хорошо!* [Маяковский, 1958, с. 322]. Предложение «И жизнь хороша, и жить хорошо. А в нашей буче, боевой, кипучей, – и того лучше» из строки в строку определяется в виде столбиков, и все компоненты превращаются в слово *смерть*. Темы смерти и страха находятся часто в самых разных работах Пригова и связываются со страхом пустоты, преодолеваемым только с помощью языка и высокого, творящего Слова.

Пригов ведет разговор и с современным искусством, в том числе с сюрреализмом в стихограмме «Это не автопортрет». Здесь намек на *Ceci n'est pas une pipe* (1928–1929) Р. Магритта раскрывает самые глубокие основы творчества этих двух художников. В то время как Магритт играет с путаницей между реальностью и ее представлением, Пригов еще раз утверждает власть пустоты и условность каждого изображения, создавая то, что Е. Бутакова определила как «семиотическая стратегия выживания» [Бутакова, 2011, с. 149], наполняя и одновременно разрушая язык изнутри.

Вывод. Таким образом, Пригов «нейтрализ[ует] властные претензии и текста и социума» [Мартынов, 2008, с. 13] и, гениально смешивая вербальность и визуальность, через стихограммы представляет зрителю / читателю новый мир, в котором демистифицированное и разоблаченное слово больше не приковывает людей, ложится в основу новой свободы и проекта тотального искусства.

Библиографический список

1. Andre C. Cuts: texts 1959–2004 // Cambridge: MIT Press, 2005. 317 p.
2. Głowiński M. Mowa w stanie oblężenia: 1982–1985. Warszawa: OPEN, 1996. 337 с.
3. Głowiński M. Rytuał i demagogia: trzynaście szkiców o sztuce zdegradowanej. Warszawa: OPEN, 1992. 177 с.
4. Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Кн. 2. М.: Наука, 1997. Т. II: Стихотворения. 895 с.
5. Бутакова Е. Дмитрий Александрович Пригов как поэт-конкретист: ваяние в чернилах, письмо кровью // Дмитрий Пригов: Дмитрий Пригов [каталог выставки]. Zurich: Barbarian Art Gallery, 2011. С. 145–151.
6. Горький А.М. Если враг не сдается, – его истребляют // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1930. 314 от 15 ноября. С. 3.
7. Горький А.М. Если враг не сдается, – его уничтожают // Правда. 1930. № 314 от 15 ноября.
8. Горький А.М. Собрание сочинений: в 30 т. 1929–1931. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1953. Т. 25: Статьи, речи, приветствия. 519 с.
9. Добренко Е. Уникальность Пригова в том, что он смог создать Gesamtkunstwerk: [интервью] // Д.А. Пригов. Двадцать один разговор и одно дружеское послание / Сергей Шаповал (сост., вступ., интервью). М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 148–166.
10. Евтушенко Е.А. Присяга простору. Стихи. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1978. 383 с.
11. Исаковский М.В. Сочинения. М.: Гослитиздат, 1961. Т. 2. 478 с.

12. Ковтун Н.В. «Мусорный человек» и современное государство: механизмы соблазна // Литература. 2015. № 56/57 (2). С. 68–82.
13. Мартынов В. Пестрые прутья Иакова. Частный взгляд на картину всеобщего праздника жизни. М.: МГИУ, 2008. 140 с.
14. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1958. Т. 8: 1927. 459 с.
15. Островский Н.А. Как закалялась сталь. М.: Гос. изд-во Детской литературы Министерство Просвещения РСФСР, 1955. 326 с.
16. Пригов Д.А. Искусство предпоследних истин: Беседа с Дмитрием Приговым // Панорама, 1989. 17–24 февраля.
17. Пригов Д.А. Стихограммы. Париж: Изд. жур-а «А – Я», 1985. 32 с.

Сведения об авторе

Албанезе Ноэми – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и литературы, Римский университет «Тор Вергата» (Италия); e-mail: noemi.albanese@uniroma2.it

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-10-2-44>

REVELATORY POTENTIAL OF THE WORD IN THE LIGHT OF D.A. PRIGOV'S "STIKHOGRAMMY"

N. Albanese (Rome, Italy)

Abstract

The role of the word in totalitarian regimes is crucial, as governments use it to control the masses and to create their own truth and reality. What lies behind this is complete void, which becomes the ground for the Conceptualist movement focusing on the relationship between subject and language.

D.A. Prigov is one of the most prominent representatives of conceptualism. His Stikhogrammy, published for the first time in 1985, can be positioned at the junction of verbal and visual art and, combining word and image, they reveal the truth behind the discourse made by Soviet power, by classical literature and the mainstream.

The purpose of this article is to show, on the basis of several selected stikhogrammy, the attitude of D.A. Prigov towards the loss of values and how this loss becomes the basis of the project to create a Gesamtkunstwerk.

Keywords: *visual poetry, D.A. Prigov, conceptualism, void, totalitarian speech.*

Bibliographicheskij spisok

1. Andre C. Cuts: texts 1959–2004 // Cambridge: MIT Press, 2005. 317 p.
2. Blok A.A. Polnoe sobraniye sochinenij i pisyem: v 20 t. Kniga vtoraya. M.: Nauka, 1997. T. II: Stikhotvoreniya. 895 p.
3. Butakova E. Dmitry Aleksandrovich Prigov kak poet-konkretist: vayaniye v chernilakh, pis'mo krov'yu // "Dmitry Prigov: Dmitry Prigov" [exhibition catalogue]. Zurich: Barbarian Art Gallery, 2011. P. 145–151.
4. Dobrenko E. Unikalnost' Prigova v tom, chto on smog sozdat' Gesamtkunstwerk: [interview] // D.A. Prigov. Dvadzat' odin razgovor I odno druzheskoe poslanie / Sergey Shapoval (ed.). M.: Novoye literaturnoye obozrenie, 2014. P. 148–166.
5. Głowiński M. Mowa w stanie oblężenia: 1982–1985. Warszawa: OPEN, 1996. 337 p.
6. Głowiński M. Rytuał i demagogia: trzynaście szkiców o sztuce zdegradowanej. Warszawa: OPEN, 1992. 177 p.
7. Gorky A.M. Yesli vrag ne sdayotsya, – ego istreblyayut // Izvestiya ZIK SSSR i VZIK n. 314, 15 november 1930.
8. Gorky A.M. Yesli vrag ne sdayotsya, – ego unichtozhayut. In Pravda n. 314, 15 november 1930.
9. Gorky A.M. Sobraniye sochinenij: v 30 t. 1929–1931. M.: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury, 1953. T. 25: Stat'i, rechi, privetstviya. 519 p.
10. Isakovskiy M.V. Sochineniya. M.: Goslitizdat, 1961. T. 2. 478 p.
11. Martynov V. Pyostrye prut'ya Iakova. Chastny vzglyad na kartinu vseobshchego prazdnika zhizni. M.: МГИУ, 2008. 140 p.
12. Kovtun N.V. Musornyj chelovek i sovremennoe gosudarstvo: mekhanizmy soblazna // Literatura. 2015. № 56/57 (2). P. 68–82.
13. Mayakovskiy V.V. Polnoe sobraniye sochinenij v trinadzati tomakh. 1927. M.: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury, 1958. T. 8. 459 p.

14. Ostrovsky N.A. Kak zakalyalas' stal'. M.: Gos. izd-vo Detskoy Literaturny Ministyerstvo Prosvetsheniya RSFSR, 1955. 326 s.
15. Prigov D.A. Iskusstvo predposlednikh istin: Beseda s Dmitriem Prigovym // Panorama. 1989. 17–24 february. S. 18.
16. Prigov D.A. Stikhogrammy. Paris: Izd. zhurnala «A – Ya», 1985. 32 p.
17. Yevtushenko E.A. Prisyaga prostoru. Stikhi. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1978. 383 s.

About the author

About the author Noemi Albanese – PhD in Philology, Adjunct Professor of Russian Language and Literature, University of Rome “Tor Vergata” (Italy); e-mail: noemi.albanese@uniroma2.it